

A detailed illustration of a young woman with long brown hair, wearing a light-colored short-sleeved shirt and a dark green apron. She is standing in a rustic workshop or factory, holding a large brass ladle in her right hand. Her left hand is on her hip. The background features a large window with a view of a village, various mechanical parts, and a large industrial boiler. The lighting is warm and golden, suggesting late afternoon or early morning.

Алёна Цветкова

НЕРАВНЫЙ ОБМЕН

ИЛИ СВЕЧНОЙ ЗАВОДИК
В НАСЛЕДСТВО

Алёна Цветкова

**Неравный обмен, или
свечной заводик в наследство**

«Автор»

2026

Цветкова А.

Неравный обмен, или свечной заводик в наследство /
А. Цветкова — «Автор», 2026

Жизнь никогда не баловала меня. Я привыкла бороться с трудностями, но однажды ко мне подошла девушка, точная моя копия, и предложила поменяться. Она заберёт мою неудачную судьбу, а мне отдаст свою: жизнь богатой аристократки под опекой любящего дяди. Я хотела отказаться, решив, что она сошла с ума. Но нечаянно согласилась. Теперь вместо прежних проблем я получила чужие — и они куда серьёзнее.

© Цветкова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	30
Глава 14	33
Глава 15	36
Глава 16	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алёна Цветкова

Неравный обмен, или свечной заводик в наследство

Глава 1

От нотариуса я вышла в расстроенных чувствах. Вот папочка удружил, так удружил. А ведь как сладко пел, как каялся и лил слёзы: «Алиночка, милая, родная, прости» Мерзавец!

Как я вообще могла ему поверить? Как я могла довериться человеку, который бросил едва родившегося младенца без средств к существованию, просто потому, что совсем не так представлял себе отцовство?

Вздохнула. Риторические вопросы не требовали ответов, но я их знала. Всегда знала — просто старалась не замечать. Мой отец, самый настоящий козел, думающий исключительно о собственных интересах.

И тогда он ушёл от мамы не потому, что оказался не готов стать родителем. Нет. Он лгал. Он просто испугался трудностей: бессонных ночей и бесконечных пелёнок, ответственности, необходимости повзрослеть и заботиться о ком-то больше, чем о самом себе.

Я развернула лист документа и снова вчиталась в скудные строчки, словно всё ещё надеялась, что это неправда, что я ошиблась, думая плохо о родителе.

Мама ведь всегда была на его стороне. Постоянно уверяла, что папа хороший, просто немного слабохарактерный и подверженный чужому влиянию. Поэтому он уехал покорять тайгу. И я верила — верила, что мой папа обязательно был бы со мной, если бы другие люди не убедили его, что он мне не нужен.

Всё детство я писала ему письма: просила, уговаривала, убеждала, надеялась, что смогу тоже повлиять на него. Когда мне было четырнадцать, я совершенно случайно нашла все свои письма отцу в мамином шкафу. Полный ящик конвертов, подписанных моей рукой. Полный ящик моих несбывшихся надежд.

Я долго стояла и смотрела на эти конверты, а потом собрала рюкзак и сбежала из дома, чтобы отыскать отца. Думала, что никогда не смогу простить маму за предательство.

Поймали меня быстро. Я помню, как мама рыдала в отделении милиции, куда меня привели после того, как задержали на вокзале. Как она каялась, валялась в ногах, умоляла простить за обман, за то, что так и не нашла силы сказать мне правду: мой отец сбежал. Пошёл за хлебом и просто не вернулся.

Выяснилось, что в тот же вечер он купил билет на поезд в Сургут, доехал, а потом исчез, испарился. Милиция искала его несколько месяцев. Мама разыскивала мужа даже тогда, когда суд признал его умершим. Она любила его и чувствовала, что он жив. Верила.

Но никто его так и не нашёл. До тех пор, пока однажды, через несколько дней после того, как мне исполнилось восемнадцать, в дверь не постучали. Я мыла посуду, мама сидела за столом, мы о чём-то болтали, смеялись. Она пошла открывать.

Никогда не забуду, как её смех внезапно прервался длинным всхлипом и как рухнуло в пятки сердце, предчувствуя беду. Я выронила тарелку, и та, ударившись о край раковины, разлетелась на мелкие осколки. Как моя жизнь.

Я рванула в коридор и увидела мужчину, который сидел на корточках над бледной, лежащей на полу мамой и называл её по имени. Я не видела его лица: дело было зимой, и на незнакомце был капюшон, скрывающий черты. Но я сразу поняла, кто это.

— Папа?! — выдохнула я.

И когда он поднял взгляд, поняла, почему мама так и не могла его забыть. На меня смотрели точно такие же глаза, как те, что я по сто раз на дню видела в зеркале, и почти такое же лицо, только грубее и с щетиной. Я была похожа на своего отца как две капли воды.

— Привет, дочка, — улыбнулся он так, словно ушёл утром на работу и вот только что вернулся. — Что же ты стоишь? Вызывай скорую, видишь, маме плохо.

Я не сразу поняла, что он говорит. Внутри всё сжалось в тугой ком и онемело до потери чувствительности. Я стояла, привалившись к стене, и хлопала глазами. И только когда он повторил, медленно, словно замороженная, набрала на старом дисковом телефоне «03».

Мама так и не оправилась после того удара. Она больше месяца лежала в больнице, а потом почти семь лет дома. Инсульт, случившийся в тот момент, когда она увидела моего «умершего» отца, всё же убил её, пусть и не сразу.

Она так и не стала собой прежней до самой кончины. Я больше никогда не видела улыбку на её губах, не слышала её смех и не замечала сияющих от счастья глаз.

Теперь то я понимаю почему. Наверное, тогда она осознала, какой мой отец мерзавец.

А вот я ещё долго пребывала в неведении. Даже то, что после своего появления он снова пропал на пару лет, меня не смутило. Хотя, возможно, я просто не обратила на это внимания. Пружина, сжавшаяся внутри меня в момент маминого инсульта, оставалась напряжена до боли.

Я жила как в тумане, шагая по цепочке привычных дел: встала, покормила маму, убралась, пошла на работу; прибежала в обед домой, покормила маму, убралась; после работы — в магазин, покормила маму, убралась, приготовила что-нибудь на завтра, постирала, немного навела порядок и рухнула в кровать без сил.

Я не заметила бы, даже если бы по соседству с нами поселился какой-нибудь арабский шейх.

Я осознала присутствие отца в нашей жизни, когда мама умерла. И то лишь потому, что он вновь исчез, оставив меня одну разгребать все проблемы. Если бы не помощь соседей, не знаю, как я выдержала бы весь этот кошмар с похоронами.

Отец вернулся только через несколько месяцев, когда я немного пришла в себя и перестала падать в голодные обмороки из-за того, что забывала поесть. И снова он так ловко просочился в мою жизнь, что, когда я опомнилась, оказалось: он уже какое-то время рядом. И не просто рядом, а в нашей с мамой квартире, к которой он не имел никакого отношения: она приобрела её уже после того, как отец ушёл.

Я попыталась его выгнать. И именно тогда он рыдал и каялся, валялся у меня в ногах, умоляя о прощении. А я смотрела на него и вспоминала маму, как она точно так же молила простить её. И я простила. Дала ему шанс.

И он им воспользовался. В этот раз без обмана. Ну, почти.

Папа вытащил меня из многолетней депрессии. Он научил меня снова смеяться и с надеждой смотреть в будущее. Я радовалась, что у нас наконец-то всё наладилось. И искренне рыдала, когда выяснилось, что у него довольно агрессивная форма рака, которая не поддаётся лечению и убивает человека за несколько месяцев.

А он успокаивал меня, говорил, что всё образуется, что всё будет хорошо, что он позаботился о том, чтобы я ни в чём не нуждалась после его кончины. И я верила. Он ведь утверждал, что у него в собственности бабушкина двушка и ещё комната в коммуналке, в которой он жил все эти годы.

Да, самый большой парадокс заключался в том, что все эти годы, пока он числился пропавшим без вести и умершим, мой отец спокойно жил на другом конце города.

Когда полгода назад отец умер, я ни секунды не колебалась, тут же подала заявку на наследство. И вот сегодня получила свидетельство и опись наследственного имущества, в котором были две строчки. Первая, на самом деле, была квартирой, той самой коммуналкой в

неблагополучном районе. А вот вторая строчка была не про собственность: она была про долги. Отец оставил мне в наследство банковский кредит, сумма которого в два раза, а то и больше, превышала стоимость коммуналки. Я ещё не видела, в каком она состоянии.

Я с досадой фыркнула. Вот, наверное, обрадовались банкиры, умудрившиеся выдать миллионы без залога и потерявшие всякую надежду на возврат средств, что нашелся дурак, вернее дура, с квартирой и работой, которая решила прибрать к рукам наследственные долги.

Кое как добравшись до ближайшей скамейки, я обессиленно рухнула на неё. Я не плакала. Я злилась. И злость выжгла все остальные эмоции.

Глава 2

— Привет! — рядом со мной на скамейку присела какая то девушка. — Как тебя зовут?

Я подняла на неё взгляд. Она была симпатична: светлая кожа, тёмно русые волосы, россыпь веснушек, на которых плясали тени от длинных загнутых ресниц. *Мама всегда говорила, что ресницы достались мне от папы.* Нос у девушки был прямым и правильным, как у меня. Губы — яркие, розовые, растянутые в живой, роскошной улыбке, открывающей ровные, красивые зубы. Я уже и не помнила, когда сама так улыбалась.

— Ты кто?! — буркнула я. — Почему мы так похожи? Ты моя сестра?

А что? Сейчас я, пожалуй, ничему не удивилась бы, даже внезапно появившейся сестре по отцу.

— Нет, — мотнула головой девушка. Она была как две капли воды похожа на меня. На ту меня, которой я была в семнадцать лет, когда мама ещё была жива, а отец не появлялся в нашей жизни. — Но ты права, мы очень похожи. И это неспроста.

Я кивнула. Определённо, такое поразительное сходство не могло быть случайностью. Отвернулась, давая понять, что разговор окончен. Если девушка мне не сестра, то мне не о чем с ней говорить. Да и с сестрой, если бы она вдруг появилась, мне тоже было бы не о чем беседовать. Сейчас больше всего на свете мне хотелось просто исчезнуть.

Моей зарплаты хватало тютельница в тютельница, чтобы гасить отцовский кредит. А ведь нужно было ещё на что то жить. Придётся искать подработку

Тяжело вздохнув, я поднялась, смяла лист с описью «имущества» и сунула его в карман, словно моя злость могла что то изменить.

— Подожди! — девушка вскочила следом и перегородила мне путь.

Я сфокусировала взгляд на её лице. Она перестала сиять улыбкой, но по прежнему выглядела слишком радостной и беспечной. Как и я когда то, она была уверена, что мир вокруг добрый и чистый, люди хорошие, а будущее безоблачное и ясное.

— Что тебе нужно от меня? — нахмурилась я.

— У меня есть к тебе интересное предложение, — выпалила она. — Давай поменяемся жизнями.

— Что?! — не поняла я.

— Давай поменяемся жизнями, — повторила она и затараторила, будто боялась, что я её перебую. А я и не собиралась, сразу поняла: девица не в себе. — Ну вот смотри, во первых, ты старше. Половина жизни уже за плечами. А я молода, мне всего восемнадцать, и всё впереди.

— Мне ещё нет тридцати, — недовольно фыркнула я. (Ну правда, нет, будет через несколько дней.) — И это меньше, чем половина жизни.

Но девушка меня не услышала, продолжая с воодушевлением:

— У тебя такой уставший вид, сразу видно, что жизнь тебя не балует. А у меня всё наоборот. Я училась в самом лучшем пансионате и скоро поеду домой, где меня ждёт роскошная жизнь под покровительством любящего дяди.

Я попыталась её обойти, не дослушав, но девушка оказалась куда упрямее, чем можно было подумать. Она безошибочно угадывала каждый мой манёвр ещё до того, как я делала шаг в сторону, и снова преграждала путь.

— А ещё у меня есть самый настоящий свечной заводик, — улыбнулась она. — Там делают свечи с моим портретом. Дядя говорит, что они пользуются успехом.

— Очень рада за вас с дядей, — буркнула я. — Пусти меня. Мне не до шуток. У меня проблем куча.

— Вот я и говорю, — рассмеялась девушка, — давай поменяемся! Все твои проблемы исчезнут, как дым, и ты будешь жить, не зная ни забот, ни хлопот. Мы с тобой так похожи, что никто ничего не заметит. И обмен не вызовет никаких возмущений в магическом потоке.

Я начала нервничать. Ну что за приставучая девица! Сделала резкий рывок в сторону, чтобы сбежать, но она снова оказалась быстрее и вновь встала на моём пути.

Она схватила меня за предплечья и жалобно заглянула в глаза:

— Ну пожалуйста

«Проще согласиться, чем объяснить, почему не хочешь», — мелькнуло в голове. Желая как можно быстрее закончить весь этот цирк, я кивнула:

— Хорошо, давай поменяемся.

Девушка радостно взвизгнула и повисла на мне.

— Спасибо спасибо спасибо — скороговоркой тараторила она, обнимая меня, словно я была давно потерянной родственницей.

Я рывком вырвалась из её объятий и хотела сказать, что, раз мы всё решили, теперь я могу уйти, но не успела. Девушка сунула руку в карман, вытащила маленькое колечко из серебристого металла с крохотным камушком и протянула мне на раскрытой ладони.

— Вот, — улыбаясь, сказала она, — возьми и надень

Я должна была отказаться. Неправильно забирать дорогие украшения у не вполне здоровых девиц. Но я не смогла Луч света коснулся камушка, и он так призывно вспыхнул, соблазняя меня на неправильный поступок. Повторяя про себя, что это не воровство, девушка сама отдаёт мне кольцо, которое могло бы закрыть какую то часть полученных в наследство долгов, я двумя пальцами взяла колечко. Лёгкое, невесомое и, несомненно, очень ценное.

— Надень, — нетерпеливо прошептала девушка.

И я послушно надела кольцо на палец

Глава 3

— Лезь скорее! — Толстая старуха в сером бесформенном платье балахоне и нелепом чепце, облежавшем голову так плотно, что та казалась яйцом, бесцеремонно толкнула меня в сторону кареты. — Некогда мне тут с тобой возиться

Я пошатнулась и рухнула прямо на грязные, неровные плитки из серого природного камня, покрывавшего землю перед каретой. Острые грани впились в голые колени и ладони, разрезая кожу. Я непроизвольно вскрикнула от боли.

— Да чтоб тебя! — выругалась старуха и с силой подхватила меня за шиворот. Ворот моего белого одеяния, похожего на длинную ночную рубашку, натянулся, перекрывая кислород, и затрещал, отрываясь.

Но старуха будто ничего не заметила. Она потащила меня по холодным, мокрым камням, не обращая внимания на то, что я не успеваю переставлять ноги и волочусь за ней, сдирая остатки кожи и оставляя кровавый след.

Ворча себе под нос странные ругательства, старуха открыла дверцу кареты и легко, словно я весила не больше котёнка, зашвырнула меня в тёмное нутро, пропахшее пылью и чем то незнакомым. Я ударилась о твёрдые края широких скамеек и непроизвольно забилась в самый дальний угол, в ужасе глядя на монашку.

— Ну чисто зверёныш, — насмешливо фыркнула старуха. — И скажи дядьке: если он не заплатит, мы всем монастырём будем просить у Бога покарать его. Поняла?!

Она строго спросила и вытаращилась на меня, пугая до истерики. Я кивнула машинально, не думая, не понимая, чего она хочет.

— Вот и славно, — буркнула монашка и закрыла дверь, оставляя меня одну в пыльной темноте кареты.

Не успела я моргнуть, как дверь открылась, и в меня полетела груда тряпья.

— Сама оденешься, — буркнула монашка и захлопнула дверцу.

Я таранилась в пустоту. В голове было пусто, все чувства замерли, замороженные происходящим. Лишь когда карета качнулась и медленно тронулась, заставляя меня привалиться боком к деревянной скамейке, обитой потёртым красным бархатом, я начала «отмирать».

«Что вообще происходит?! Где я?!»

Если бы не боль во всём теле, особенно в разодранных до мяса коленях, я решила бы, что это сон. Но я ведь не спала. Мгновение назад я сидела на скамейке у конторы нотариуса и разговаривала со странной девицей, предлагавшей поменяться жизнями.

Взгляд метнулся на руку. Так и есть: на грязном пальце сияло то самое серебристое колечко с ярким камушком, будто светившееся в темноте кареты.

«Точно! Я оказалась здесь, как только надела его»

Я резко выдохнула и рванула кольцо с пальца, подумала, что, если сниму, вернусь обратно. Но не тут то было. Кончики пальцев скользнули по коже, не коснувшись металла. Торопливо ощупала руку и застонала: кольца не было. Я видела его, но не осязала.

«Логично. Я надела его там, значит, оно там и осталось. Снять его можно только там. Где вместо меня теперь живёт мою жизнь та девица, которая должна была ехать в этой карете»

Куда? Я не знала.

Попыталась вспомнить, говорила ли монашка, куда и зачем я еду, но безуспешно. Девица, кажется, упоминала, что училась в пансионате и вот вот поедет домой. Но не уверена, я же не слушала её болтовню, считая сумасшедшей.

Осторожно шевельнулась, принимая более удобное положение. Всё это время я сидела без движения, в той позе, в которой оказалась, пытаюсь сбежать и спрятаться от старой монашки.

Карета мерно покачивалась. Меня начала бить дрожь, то ли от холода (я наконец ощутила, что погода совсем не тёплая), то ли от нервов. Второе казалось вероятнее.

Медленно выползла из под скамейки. Темнота уже не была такой плотной, в карете посветлело. Наверное, события на площади происходили на рассвете.

Осторожно, цепляясь за скамейки, поднялась. Колени тряслись, в ногах мелко бились какие то жилки... Противно... Я попыталась остановить дрожь, но ничего не вышло.

За грязной полупрозрачной шторой, закрывавшей верхнюю половину двери, проглядывало окно. Мне пришлось вложить всю волю в один шаг, отделявший меня от двери.

Кончиками пальцев дотронулась до занавески. Сердце колотилось прямо в горле, если бы в этот момент случилось что то неожиданное (пусть даже безобидное, вроде мухи, громко жужжащей мимо), я точно не сдержала бы страх и тут же снова оказалась под скамейкой. Никогда в жизни я не испытывала такого животного ужаса, как сегодня.

К счастью, никто и ничто меня не испугнуло. Я осторожно отодвинула край занавески.

За окном был лес, высокий, неопрятно серый, совсем голый. Кое где среди тёмных стволов виднелись бело серые пятна нерастаивших сугробов. Значит, сейчас самое начало весны. Даже подснежников пока не видно, хотя кое где на обочине уже пробивались крохотные зелёные стрелки свежей травы.

Гулко сглотнула скопившуюся слюну и судорожно вздохнула, сама не заметила, как задержала дыхание.

Отпустила шторм, перевела взгляд на голые ноги. Короткая, чуть ниже колен, белая просторная рубашка больше всего походила на ночнушку. Наверное, старуха монашка выволокла меня из постели на рассвете, торопясь избавиться от выпускницы? Нет, вряд ли с выпускницами прощаются так. Да и, судя по тому, что на улице только начало весны, до конца учебного года ещё далеко. Хотя, может, здесь всё по другому?

Сомнительно. Слишком похоже на то, что меня с позором вышвырнули из пансионата. А монашка, кажется, говорила что то про долги. Наверное, за моё проживание не заплатили. Вот и

Но девица говорила, что её ждёт роскошная жизнь. Я точно помню, в тот момент меня кольнула крохотная игла зависти. Мне тоже хотелось жить, не выкраивая копеечную зарплату так, чтобы хватило на весь месяц. У меня не было образования, я ушла из института после первого курса, когда заболела мама, поэтому работа была самая неквалифицированная: я мыла полы в супермаркете рядом с домом.

Вздохнула, обняла себя за плечи. Свежесть весеннего утра начала просачиваться сквозь броню адреналинового всплеска, мне стало зябко. Я по прежнему дрожала, но теперь скорее от холода, чем от нервов.

Осторожно подняла тряпки, которые швырнула монашка: нижняя рубашка из плотного хлопка, шерстяное платье с рядом крохотных пуговиц на лифе, большая пушистая шаль, тёплые чулки и туфли из мягкой кожи, больше похожие на домашние тапочки, чем на обувь для прогулок ранней весной.

Быстро натянула на себя всю одежду. Получалось не очень ловко, карету знатно трясло, меня мотало из стороны в сторону. Но я справилась. Завернулась в пуховый платок и наконец села на скамейку.

Надо было как то приспособливаться к новой жизни. Раз уж имела глупость пойти на поводу у странной девицы и позариться на серебристое колечко.

Глава 4

Мы ехали весь день без перерыва, если не считать двух коротких остановок посреди леса, во время которых я решила сбегать в кусты. Тогда же увидела возницу: огромного мужика в старом распахнутом суконном пальто, подбитом облезлым мехом. Его лицо невозможно было разглядеть. Всё, кроме маленьких чёрных глаз, заросло густой кудрявой бородой, заплетённой в неопрятную косу до середины груди.

Когда он в первый раз заглянул в окошко кареты, я чуть не умерла от страха. Думала, мне пришёл конец. Сейчас это чудовище меня порешит. Но он только буркнул хриплым голосом, что если я хочу «до ветру», то сейчас самое подходящее время, потому что следующая остановка будет уже ближе к вечеру.

В обед мы проехали мимо большого постоялого двора, по крайней мере, я решила, что это именно постоялый двор. Чем ещё могла быть эта длинная изба за крепким забором выше человеческого роста с огромными распахнутыми воротами? Оттуда умопомрачительно пахло едой. У меня слюни потекли рекой, а в животе заурчало от голода.

Я никогда не жила «богатой и роскошной жизнью», как та девица, чьё место я заняла, но привыкла есть три раза в день. А сейчас с самого утра меня мучил нестерпимый голод и жажда. Пить хотелось даже сильнее, чем есть.

Ближе к ночи, когда совсем стемнело и дорогу освещала только луна, мы свернули с наезженного тракта на грунтовую дорогу, ведущую в лес. Наверное, я должна была испугаться. Но голод, жажда и постоянный затаённый страх перед будущим измучили меня до такой степени, что я не нашла в себе сил для новой паники.

Ход кареты замедлился. Тошнота подступила к горлу, хотя на лесной дороге трясло гораздо меньше. Если бы я могла сбежать. Если бы хотя бы знала куда. Если бы была знакома с порядками этого мира.

А вдруг побег окажется худшим выбором из всех возможных? И речь не о диких зверях, которые сожрут меня и растащат кости по оврагам. Я думала о людях. Я же не знаю, какие здесь порядки. Если вспомнить, как швыряла меня монашка, сразу понятно: милосердие здесь не в чести. А я даже имени своего не знаю.

Поэтому я осталась в карете, просто смирилась со всем, что может случиться. А случиться могло что угодно. Я была совсем одна с этим страшным мужиком. Если он убьёт меня, никто и никогда об этом не узнает.

Прошло не меньше часа после того, как мы съехали с дороги, когда карета наконец остановилась. Я сидела в углу, прижавшись к деревянным стенкам, и смотрела в тёмное окно. За ним уже давно ничего не было видно. Деревья растворились в темноте в тот самый момент, когда скрыли своими кронами луну.

Но шаги, твёрдые и неспешные, я услышала. Это был не возница: когда он спускался с козел, карета скрипела особым образом. Кто то подошёл к карете и резко дёрнул за дверцу, распахивая её во всю ширь.

Сердце ухнуло в пятки. Я непроизвольно задержала дыхание и вытаращилась на мужчину, который заглянул в карету.

Довольно молодой, лет тридцать тридцать пять. Жидкие волнистые волосы, глубоко посаженные глаза, тонкие усики стрелочки над чересчур тонкой верхней губой. Острый нос и такой же острый подбородок. Высокий лоб и впалые щёки.

Не красавец.

— Не думал, что монашки вышвырнут вас из за такого мизерного долга, моя дорогая племянница, — тонким, острым голосом произнёс он и недобро усмехнулся. — Но раз уж так вышло, то добро пожаловать домой

Я продолжала сидеть в карете, чувствуя, как холодеет спина. Новый родственничек мне категорически не нравился. Было в нём что то такое, что с первого взгляда выдавало неприятного и очень скользкого типа. С такими всегда нужно держать ухо востро, а лучше вообще не общаться и обходить десятой дорогой.

— Боитесь? — хмыкнул дядя. — Правильно делаете. После смерти ваших родителей вы — единственная преграда, которая отделяет меня от имущества моего брата. Впрочем, не беспокойтесь. Я не стану убивать вас. Я для этого слишком честный и благородный.

Он мерзко захохотал, запрокидывая голову.

Я продолжала сидеть на месте. Мне и раньше то выходить было страшно, а уж после того, как этот «дядя» озвучил свои планы, и вовсе хотелось развернуть карету и отправиться обратно в монастырь. Может, мне удалось бы договориться с монашками? Раз уж я единственная наследница имущества своего отца Именно так я поняла весь представленный расклад.

— Что ты ждёшь?! — дядя потерял терпение. — Если не выйдешь немедленно, прикажу отправить тебя на конюшню вместе с каретой. Будешь жить там.

И снова засмеялся, будто эта шутка была невероятно смешной. Я вздрогнула, представив, что меня ждёт на конюшне Вот уж точно: из двух зол надо выбирать меньшее.

Медленно сдвинулась с места и, осторожно, крадучись, как трусливый заяц, добралась до выхода из кареты.

Дядя ждал меня. Он даже руку мне подал. Я оперлась на неё, иначе спуститься с такой высоты и не переломать руки и ноги не было никакой возможности. Непонятно, как я вообще смогла оказаться внутри кареты. Только потом я узнала, что дядя просто не опустил лестницу... Скорее всего, нарочно.

Он самолично проводил меня в комнату, заявив, что ужин уже закончился и мне придётся потерпеть до завтрака, потому что в этом доме такие правила, и их нарушать нельзя.

Я не спорила. Просто не было ни сил, ни воли Послушно кивнула и потопала следом, даже не пытаясь осмотреться. Свеча в руках дяди сильно дымила, трещала, воняла чем то очень противным и почти не светила.

Глава 5

Комната, в которую меня привели, оказалась небольшой и вовсе не роскошной. В ней стояли лишь полуторная кровать с высокими спинками из металлических прутьев, как в бабушкином доме; громоздкий двустворчатый шкаф, занимавший едва ли не столько же места, сколько сама кровать; трёхногая табуретка и небольшой прямоугольный столик. На столике — круглое, размером с тарелку, зеркало в деревянной подставке и пустая пузатая ваза. Небольшое окно скрывалось за плотной суконной шторой.

Дядя, пропустив меня внутрь, молча закрыл дверь и ушёл, унося свечу. Я осталась в полной темноте. На ощупь добралась до окна и отодвинула штору, в комнату проник тусклый, мертво бледный свет луны.

Сказать, что мне было страшно, ничего не сказать. Хотя я провела в новом мире уже целый день, реальность происходящего до сих пор не укладывалась в голове. Временами казалось, что это просто кошмарный сон. Стоит немного подождать, и я проснусь.

Я присела на кровать, обхватила холодные железные прутья и прислонилась лбом к перекладине. Голова гудела. Очень хотелось пить. Желудок сжимало от голода. Болели разбитые колени. Меня слегка потряхивало, в комнате было прохладно и сыро. Я ощущала влагу, впитавшуюся в постель. Казалось, здесь не топили всю зиму и лишь сегодня, перед моим приездом, слегка прогрели помещение.

Глубоко вдохнула, задержала дыхание и выдохнула. Это не избавило меня ни от голода, ни от холода, ни от жажды, но слегка взбодрило. Опираясь на спинку кровати, я поднялась на ноги.

Правда это или нет, но пора позаботиться о себе. В карете я ничего не могла сделать, оставалось лишь сидеть и ждать, опасаясь, что побег только ухудшит моё положение. Здесь, в доме, где, судя по всему, мне предстоит жить, всё иначе. Сидеть и ждать бессмысленно. Нужно взять себя в руки: найти воду, еду. Где то здесь должна быть кухня.

Свечи у меня не было, но луна светила достаточно ярко. Сидеть на месте стало невыносимо, нужно хоть что то предпринять.

Осторожно приоткрыла дверь, радуясь, что она не скрипит. Высунула голову. Вокруг темнота. Однако лунного света, пробивавшегося через приоткрытую дверь, хватило, чтобы разглядеть узкий длинный коридор, уходящий в обе стороны от моей комнаты. Слева, в нескольких шагах, коридор заканчивался окном, через которое проникало ещё немного света.

Я вышла и тихо прикрыла за собой дверь, благодарная судьбе за то, что та не заскрипела и не выдала мой побег. Крадучись добралась до лестницы, она находилась напротив окна, справа от моей двери. Держась за перила, бесшумно спустилась вниз. Не знаю, как, но я безошибочно определила, где находится кухня. Двигалась медленно, стараясь не шуметь и не разбудить дядю или кого то ещё.

Через несколько минут я оказалась у кухни. Дверь была приоткрыта, и оттуда доносился умопомрачительный запах еды. Мой пустой желудок не выдержал и издал громкую руладу, которая, казалось, могла разбудить весь дом. Я замерла, прислушиваясь. Тишина. Похоже, мне повезло.

Осторожно пробралась внутрь и тихо закрыла за собой дверь. С облегчением выдохнула, теперь можно не бояться, что меня заметят.

В углу комнаты стоял огромный шкаф похожий на буфета. Скорее всего, там можно найти еду. Я успела сделать лишь два шага мимо массивного деревянного стола, который, видимо, использовали для готовки.

— Кто тут?! — резкий окрик заставил меня замереть с поднятой ногой.

Медленно повернула голову. Из открытой двери, тонувшей в темноте, пробивался луч света. Кто то стоял там со свечой в руках. Судя по голосу — женщина. Она повторила:

— Кто тут?

Я закрыла глаза, словно это могло меня спасти, и не ответила. Световой круг качнулся и двинулся ко мне. Ко мне приближалась высокая грузная женщина в длинной рубахе до пят и ночном колпаке. Бледная, похожая на привидение. Я так испугалась, что не могла сдвинуться с места. В тот момент, когда свет коснулся моего перекошенного от страха лица, всё изменилось.

— Госпожа Невена? — удивлённо спросила она. — Что вы здесь делаете?

В её голосе уже не было угрозы. Более того, эта женщина знала меня прежнюю, ту, что обманом заставила меня занять её место.

— Да, — проскрипела я. После целого дня молчания голос совсем осип. Прокашлялась и добавила уже нормальным тоном: — Проголодалась Решила найти чтонибудь перекусить И вот

Развела руками и растянула губы в улыбке, надеясь, что женщина не заметит её фальшивость.

Зато я наконец узнала своё имя в этом мире.

— Ох, вы ж рыбонька моя! — всплеснула рукой толстуха (второй она держала свечу). — Так садитесь быстрее, сейчас я вас накормлю! Что ж вы сразу меня не разбудили? Сказали бы: «Тетушка Леля, накорми меня»

Она быстро подошла к большому деревянному столу, поставила свечу и кивнула на широкую скамью между стеной и столом, которую я раньше не заметила: «Садись».

Я не стала спорить. Присела на краешек и с любопытством уставилась на тетушку Лелю, которая носилась по кухне с невероятной скоростью. Её полнота ничуть не мешала, видно было, что кухня для неё родной дом.

Не прошло и трёх минут, как передо мной появилась тяжёлая чугунная сковорода с аппетитной яичницей на шкварках. Аромат был такой, что я едва не захлебнулась слюной. Тетушка Леля вручила мне огромный ломоть хлеба и ложку, подтащила тяжёлый стул из тёмного угла и присела напротив, с умилением наблюдая, как я ем.

Я ела так, что за ушами трещало. Никогда не пробовала ничего вкуснее. Не знаю, то ли дело в экологически чистых продуктах, то ли в моём зверском голоде, но я готова была вылизать сковороду до последней крошки. Ещё вчера я ни за что не стала бы есть столь жирное блюдо, ведь это вредно.

После шести яиц, огромной кружки фруктового чая и мягкой булки меня так разморило, что едва хватило сил вернуться в комнату. Кое как добрела до кровати и рухнула на постель, не раздеваясь. Заснула ещё до того, как голова коснулась подушки.

Глава 6

Проснулась я довольно поздно. За ночь комнату выстудило, я невольно закуталась в одеяло с головой. Если бы не пронизывающий холод, от которого зубы выбивали дробь, я, наверное, решила бы, что вчерашний день с дурацким обменом, лишь дурной сон. Но там, дома, сейчас жаркий июль, а кондиционера в моей квартире отродясь не было.

Кое как выбралась из кокона, который накрутила за ночь из плотного гобеленового покрывала и тощего одеяла со сбившимся в комки пухом.

На прикрытой двери висело зеркало во весь рост. В нём отражалась помятая и взъерошенная я, больше похожая на ту девицу, которую встретила вчера. Юная Свежая Если не считать помятого вида и напряжённого взгляда, к которому я давно привыкла.

Я давно потеряла лёгкость бытия и смотрела на мир, словно старуха, прожившая долгую и тяжёлую жизнь. Это не мои слова, так говорила моя единственная близкая подруга. Нам удалось сохранить общение лишь потому, что она уехала из города до того, как на меня свалились все беды. Остальные друзья исчезли, как туман на ветру. Никто не любит решать чужие проблемы.

Впрочем, если верить вчерашней девице, теперь моя жизнь должна быть лёгкой и беззаботной. Я поежилась и обняла себя, пытаюсь согреться. Как то не вяжется этот сырой холод в моей комнате с заботой любящего дяди, которая, по идее, должна была ждать меня в поместье.

Может, он забыл, что я вчера приехала? Я усмехнулась. Или моё появление в доме его совсем не обрадовало. И никакой заботливой опеки мне не светит.

Ну ничего. Я привыкла сама думать о себе. И уж точно не стану молча ждать, когда обо мне вспомнят.

Для начала нужно было привести себя в порядок и переодеться. Платье, выданное мне в монастыре, сильно помялось и выглядело совсем не по статусу. Я заметила, что в такое же была одета тетушка Леля. Значит, мне как хозяйке полагалось что то другое. Не может госпожа одеваться так же, как кухарка.

И тут меня ждала первая неприятность: шкаф в моей комнате оказался девственно пуст. Я перерыла всё, залезла под кровать и нашла лишь небольшую шкатулку, полную детских сокровищ, сломанных игрушек и нелепых рисунков. Они больше напоминали кучу мусора, чем что то полезное.

Пришлось пригладить прямо на себе платье, в котором я приехала из пансионата, и перейти к следующим пунктам моего плана: умыться, позавтракать и поговорить с дядей. Я намеревалась напомнить ему о себе и получше познакомиться. Вдруг он милейший человек, а вчера просто был не в духе? Я едва не расхохоталась от этой мысли.

Но мне всё равно нужно его увидеть, чтобы задать вопросы о моём гардеробе и прочем. Не может быть, чтобы у меня не нашлось другой одежды.

Крохотный санузел с унитазом устаревшего вида и раковины располагался в общем коридоре напротив моей комнаты, я уже развела это вчера. Вода в кране была ледяная, и после умывания меня затрясло ещё сильнее. Захотелось вернуться в комнату и зарыться под одеяло, чтобы согреться.

Но вместо этого я направилась на кухню. Там и согреюсь, и позавтракаю, и узнаю, где найти дядю.

Днём дом казался гораздо просторнее, чем ночью. Тьма скрадывала объёмы, «откусывала» углы и сужала взгляд. Я даже не представляла, что гостиная на первом этаже настолько просторная! Да и лестница при дневном свете оказалась куда больше, чем я думала вчера. Тогда я не видела её целиком, было совсем темно.

А огромное окно между пролётами и вовсе поражало воображение. Оно начиналось от пола первого этажа и заканчивалось под потолком второго. Окно было разделено на мелкие квадраты, в каждый из которых вставили стёкла разного цвета: синие, жёлтые, красные и зелёные. Они складывались в замысловатый узор. Я замерла в восхищении: лучи света, попадая на стёкла, преломлялись невероятным образом, смешивались и создавали в воздухе волшебный рисунок из пятен всех цветов спектра.

Никогда не видела ничего подобного Жаль, что проспала так долго. Если выйти сюда на рассвете, когда солнце стоит ещё очень низко и светит прямо, а не сверху, пространство на лестнице будет ещё прекраснее. Что то дрогнуло в душе, когда я представила эту картину.

Пока же мне нужно вниз, на кухню. Желудок одобрил решение громким урчанием: вчерашний ужин давно испарился, не оставив после себя ни одной питательной молекулы.

Шум с кухни я услышала, едва зашла в коридор, ведущий в хозяйственную часть дома. Громкий женский голос, не скупясь в выражениях, отчитывал какую то Кальку за то, что она неправильно почистила рыбу. Или его — я не разобрала, кому принадлежал бубнящий что то в своё оправдание голос.

Если бы не голод, я ни за что не пошла бы дальше. Я терпеть не могла, когда орут. От громких криков, даже если они не были направлены на меня, у меня всегда случался ступор. Я замирала без движения, таращилась на орущего и молча хлопала глазами, не в силах ни возмутиться, ни заступиться за себя или кого то другого, ни уйти. Потом ненавидела себя за слабость.

Но сейчас уйти я не могла, мне нужно позавтракать. И это мой дом. И я здесь главная. Поэтому, несколько раз глубоко вздохнув, я сжала кулаки так, чтобы ногти впились в ладони, и решительно шагнула в приоткрытую дверь, из за которой умопомрачительно пахло едой

Глава 7

— Добрый день, — заявила я с порога, оглядывая открывшуюся картину.

Вчера кухня показалась мне просторной, но сегодня здесь было тесновато. Несколько женщин стояли вдоль стола, за которым я ужинала вчера, с ножами в руках. Видимо, только что резали и шинковали овощи. На плите возвышались огромные кастрюли: в них что то кипело и булькало. А толстая до безобразия женщина в белоснежном фартуке лупила с двух рук согнутого в три погибели худого паренька с белоснежными волосами. Доставалось ему по очереди: то железной поварешкой, которой толстуха орудовала весьма умело, то большой толстой рыбьей без головы. Её она крепко держала за хвост.

Ни один из присутствующих на кухне мне не был знаком. Тетушка Леля, накормившая меня вчера вечером, куда то пропала. Я уже хотела спросить, где её найти, но толстуха заметила моё появление и тут же переключилась на меня без малейшей паузы.

— Явилась таки! — заорала она, заставляя меня захлебнуться словами. — Ты бы ещё вечером пришла! Останешься без недельного жалования!

Рявкнула так, что кастрюли на полке и сковороды, висевшие над её головой, тихо зазвенели. Парнишка мгновенно исчез, стремительно рванув в приоткрытую дверь, а женщины словно по команде опустили головы и принялись стучать ножами по доскам, выбивая ритмичную дробь.

Очевидно, она спутала меня с кем то, эти обвинительные речи предназначались не мне. Я сглотнула вставший в горле ком и уже хотела объяснить толстухе, кто я такая и зачем пришла.

Но не тут то было. Толстуха, заметив, что белобрысый сбежал, громко выругалась, швырнула рыбину в ушат с отходами, те жадно хлюпнули от такого подношения, и направилась ко мне, помахивая поварешкой.

— Живо взяла поднос и отнесла господину! По твоей милости брат хозяина остался голодным! — зарычала она. — Скажи спасибо, что он незлобивый! Да и спит, поди, ещё

Я машинально подхватила тяжеленный поднос, стоявший на столе, и рванула прочь из кухни, напуганная перспективой получить половником по хребту. Только потом сообразила: еда предназначалась не мне.

Что ж Мне, если честно, было плевать. Я не собиралась ходить голодной. А дядя пусть сам решает свои проблемы. Настроение даже улучшилось.

Дотащила поднос до своей комнаты, сгрузила тарелки на столик, подтянула его к кровати, благо он был маленьким и довольно лёгким, и принялась за завтрак.

Жаль, тетушку Лелю не увидела. Придётся искать дядю другим способом. Например, проверить все комнаты сразу после завтрака.

Мне повезло: дядю я нашла в следующей же комнате, она оказалась кабинетом. Он сидел за столом и что то писал, обмакивая гусиное перо в чернильницу.

— Эй, ты, как там тебя — перебил он меня, не дав ничего сказать. — Растопи камин.

Кажется, он принял меня за служанку.

— Меня зовут Невена, дядя, — улыбнулась я, делая вид, что не услышала ни пренебрежительного тона, ни приказа. — И я хотела бы поговорить с вами. У меня есть несколько вопросов, которые необходимо решить как можно быстрее.

— Невена?! — дядя поднял голову и хмуро взглянул на меня. — Что ты здесь делаешь?

— Вы забыли? — улыбнулась я, отвечая вопросом на вопрос. — Вас не уведомили, что за моё проживание не заплатили и вчера утром меня выгнали из пансионата?

— Я велел тебе сидеть в комнате, — он тоже сделал вид, что не услышал меня.

— К сожалению, это невозможно, — вздохнула я, всем видом показывая, что на самом деле мне совсем не жаль. — Во первых, там холодно и сыро. Во вторых, все шкафы пусты, а

мне нужно переодеться. Я не могу ходить в платье служанки. В третьих, я хотела бы посетить свой свечной заводик!

Вообще, ни на какой заводик я не собиралась, просто слова вырвались сами. На самом деле я хотела узнать, как отправиться обратно. Для этого нужно было выяснить, как снять прозрачное кольцо со своего пальца.

Но в тот самый момент, когда я собралась задать этот волнующий меня вопрос, внезапно осознала: делать этого нельзя. Ни в коем случае.

Ощущение было странным, будто пришедшим извне. Я бы подумала, что это снова проделки той девицы, которая обманом заняла моё место, но Я точно знала, кто заставил меня замолчать — или, вернее, *что*.

В тот же миг я ощутила, как меня окутала та самая аура, что и на лестнице перед огромным витражным окном.

Всё это пронеслось в моей голове за один короткий миг, дядя ничего не заметил.

— Я прикажу, чтобы затопили печи, — сказал он. — Твой гардероб, к сожалению, остался в пансионате. И не вернётся до тех пор, пока ты не погасишь долги перед пансионатом

— Я?! — возмущённо перебила его. — Вы хотите сказать, что долги должна гасить я, а не вы, мой родной дядя?!

— Ну разумеется, — ответил он тоном, каким обычно говорят с неразумным ребёнком. — Именно ты, дорогая племянница, наследница своего отца. И все его обязательства, в том числе и долги, теперь лежат именно на тебе.

Глава 8

Нет, ну как тут было сдержаться? Я хохотала долго, никак не могла успокоиться. Стоило на миг перестать смеяться, как на меня накатывала следующая волна истеричного смеха.

Дядя поначалу не обращал внимания на мою странную реакцию, но вскоре забеспокоился. Он вышел из за стола, когда я сползла по стене на пол и скорчилась в позе эмбриона, держась за живот.

Какое то время он молча стоял надо мной, перекатываясь с пятки на носок, словно раздумывая: не ломаю ли я комедию, не притворяюсь ли? Но потом всё же решил помочь. Наклонился и резким рывком поставил меня на ноги.

Это не помогло. Я на миг остановилась, судорожно вздохнула — и вновь зашлась в хохоте, повиснув на его руках, потому что ноги меня не держали.

— Прекрати истерику! — теряя терпение, рявкнул дядя и изо всех сил тряхнул меня. У меня не только челюсти клацнули, все кости стукнулись друг о дружку, словно у какого нибудь скелета. — Немедленно прекрати! Невена!

Как ни странно, второй рывок привёл меня в чувство. Я всхлипнула, глотая воздух, и смех оборвался так же резко, как начался.

Дядя взглянул мне в глаза, сделал два шага вглубь комнаты и не очень бережно усадил меня в кресло. Затем налил воды из кувшина, стоявшего на подоконнике слева от стола, и протянул стакан. Вода оказалась холодной и очень вкусной.

Я сделала пару глотков, но зубы мелко стучали о край стакана, а прерывистое дыхание заставило подавиться. Я закашлялась, расплёскивая воду на платье.

Дядя забрал стакан, поставил его на место и снова подошёл ко мне. Наклонился:

— Как ты? — спросил хмуро и неласково. Но всё же спросил, и за это я была благодарна.

— Уже лучше, спасибо, — кивнула я. — И много у меня долгов?

Смешок против воли вырвался наружу, но я зажала рот ладонью, чтобы снова не скатиться в пучину истерики.

— Не так чтобы очень много. Но и немало, — мотнул головой дядя. Немного подумал и добавил: — Я бы помог, но, к сожалению, это не в моих силах. Мой брат оставил всё своё имущество тебе, а своих средств у меня немного. Поначалу я был огорчён, но сегодня утром узнал, что и дом, и завод заложены. Признаюсь, испытал облегчение. И тебе, Невена, придётся выпутываться из этой ситуации самостоятельно. Я умываю руки и уезжаю через пару дней.

— Но вы не можете меня бросить! — воскликнула я. — Я ничего не знаю ни об управлении помещьем, ни об управлении свечным заводом!

Дядя невесело рассмеялся:

— Поверь, тебе это и не нужно. Те, кто придут за деньгами, решат всё по своему.

— Меня убьют?! — Я вжалась в кресло, чувствуя, как холодок пробежал по позвоночнику и сжал затылок невидимой, но очень жёсткой рукой.

— Нет, ну что ты, — хмыкнул дядя. — У тебя всё будет хорошо. Наверное. Тебе просто придётся выйти замуж. И, не хочу огорчать заранее, но, скорее всего, это будет какой нибудь мерзкий старик, готовый заплатить за брак огромную сумму.

— Но зачем это ему? — Я так растерялась, что вместо того, чтобы думать о себе, решила посочувствовать какому то старику, решившему расстаться с деньгами ради брака с юной девицей. — Если у него так много денег, то он может получить любую. Зачем ему я? Ради титула?!

Он снова рассмеялся:

— Дорогая племянница, не стоит притворяться, что ты ничего не знаешь. Я уверен, мой братец давным давно поведал тебе тайну твоего дара.

Я тарасилась на него, ничего не понимая. Какой ещё дар?!

Дядя нахмурился:

— Хм Как интересно Неужели он надеялся использовать твой дар для себя? Ну нет Это чересчур. Скорее всего, влез во что то нехорошее, надеясь сбыть тебя с большей выгодой. Возможно, у него были какие то тайные дела, о которых никто не знает

Он ушёл в себя и бормотал эти фразы под нос, не замечая, что я смотрю на него во все глаза.

— Я ничего не понимаю! Объясните мне, что к чему! — взмолилась я. — Что ещё за дар?! И что за выгода?

— Впрочем, неважно, — хмыкнул дядя. — Если твой отец промолчал, то мне тем более следует держать язык за зубами. И ввязываться в авантюру с поиском тайного покупателя твоего дара я не хочу. Я не твой отец

— Но вы уже не промолчали! — возмутилась я. — Раз начали, то говорите до конца. Иначе это просто непорядочно! Вы бросаете меня на произвол судьбы и при этом не хотите помочь даже в такой мелочи, как правда обо мне и моём даре?!

Я почти кричала, не от злости на дядю, а от бессильной ярости на ту девицу, которая мастерски подставила меня, облапошив, как полную дуру.

— Не стоит так явно демонстрировать свои эмоции, дорогая племянница, — невозмутимо ответил дядя, словно мы вели ничего не значащую светскую беседу. — Девице твоего возраста и положения подобное поведение недопустимо.

— А мужчине вашего возраста и положения допустимо бросать племянницу без всякой помощи и поддержки?! — заорала я, теряя самообладание.

Дядя вздохнул. Он не жалел меня, просто устал от этого разговора.

— Мне очень жаль, дорогая Но это всё, чем я могу помочь.

— Ваше «всё» — это ничего! Вы ничем не помогли мне!

— Мне жаль, — покачал он головой и улыбнулся. Холодно, искусственно, нарочито вежливо.

А я с трудом сдержалась, чтобы не ударить его по наглой, холёной и беспринципно циничной морде!

Глава 9

Я вылетела из кабинета и помчалась на улицу. Нужно было куда то выплеснуть гнев, поорать в пустоту и успокоиться. Иначе первый, кто попытался бы заговорить со мной, получил бы всё, что скопилось в душе. И это точно не радость и счастье.

Бежала я долго. В какой то момент широкие садовые дорожки, отсыпанные мелким щебнем, сменились узкими тропинками, петляющими в полудиком лесу. Остановилась я, только когда совсем выдохлась.

Вокруг высокие деревья, щебетание птиц и тихий шелест ветра, играющего веточками. Под ногами вилась узкая, но довольно утоптанная тропинка, заблудиться я не боялась.

Злость прошла. Я устало прислонилась к стволу огромной липы и закрыла глаза. Зря я так взбесилась. Да, дядя тот ещё козел. Но, может, если бы я была хитрее, удалось бы выудить у него чуть больше.

И почему я так отреагировала на известие о даре Невены?

Очевидно, у неё есть какой то необычный дар. Иначе она не смогла бы поменять нас местами. Для этого ей, как минимум, нужно было попасть в другой мир, а это, полагаю, не каждому по плечу.

Допустим, я права. И дар Невены — в способности путешествовать между мирами. Но тогда при чём здесь старик, готовый заплатить за брак огромную сумму?

Похотливые старцы, желающие жениться на молоденькой, есть и в нашем мире, там, где у девушек нет никаких особых способностей, кроме юности. Но в словах дяди мне слышался намёк на что то другое.

Мне показалось, что речь идёт о вожаке для всех стариков продлении жизни, а то и вовсе о возвращении молодости. За мой счёт, конечно. Не знаю, что именно заставило меня так думать, но я была уверена: если эти мысли не истина, то очень близки к ней.

У меня не было доказательств, лишь смутное ощущение правоты. Но все дальнейшие решения я принимала исходя из рисков: потерять молодость или лишиться свободы выбора из за дурацкого дара.

Под деревом я просидела несколько часов, приводя в порядок скудные знания об этом мире, о встреченных людях и их отношении ко мне. Я искала путь, который поможет выжить в новой реальности, и нашла.

Решение было принято.

Я должна бежать. Отказаться от наследства, имени, прошлого Невены и, соответственно, от её будущего. Это легко, мне даже притворяться не придётся. Я не она. Меня зовут Алина. Я никакая не дворянка. Всю жизнь прожила в бедности, работала полумойкой, чтобы прокормить себя и семью. Если сбегу, то буду жить так же, как раньше. Просто в другом мире.

В этом и заключалась главная сложность плана. Об этом мире я ничего не знала.

Живя в поместье, в тишине и уединении, я могла сколько угодно скрывать свою тайну. Но стоило оказаться среди множества людей, как каждый, с кем я заведу беседу, быстро определит мою чуждость. Даже если сам не догадается, что я пришла из другого мира, слухи о том, что я «не такая», поползут по округе. И могут дойти до тех, кто будет меня искать.

А они точно будут. Если мой дар стоит огромных денег, никто не позволит мне уйти просто так. Им нужно будет лишь сложить два плюс два, и они поймут, что сбежавшая Невена и странная девица как то связаны. Тогда меня уже ничто не спасёт.

Как я ни старалась, пути решения этой проблемы не нашла. Впрочем, время ещё было. Дядя сказал, что уезжает через два дня. Сбегать до его отъезда бессмысленно. Он не дурак и понимает: к нему придут в первую очередь. Он непременно поднимет шум, если узнает, что я исчезла из поместья.

Но и задерживаться слишком долго нельзя: чем дольше я остаюсь в поместье, тем сложнее сделать первый шаг. К тому же я вспомнила кухарку, она меня не узнала. Других слуг я тоже не видела, и они не видели меня. Никто не сможет рассказать обо мне ничего вразумительного. Максимум поведают о той Невене, которая жила здесь до меня. Но чем дольше я остаюсь, тем выше риск, что кто то заметит, насколько мы разные, и сообщит об этом тем, кто будет меня искать.

Лучше всего уйти сразу после отъезда дяди или даже одновременно с ним. Тогда есть шанс, что сначала меня будут искать у него. Это даст мне больше времени, чтобы примелькаться гденибудь в другом месте, стать там своей.

Дядя не похож на человека, который путешествует пешком с рюкзаком за плечами. Скорее всего, его багаж погрузят в карету. Поднимется небольшая суматоха, и я смогу легко улизнуть из поместья незамеченной.

План был прост: переодеться гденибудь в лесу и отправиться в ближайший город пешком по лесу. Страшно, но выбора у меня нет. Идти по дороге слишком опасно.

У меня есть два дня на подготовку и три задачи: узнать, как лучше добраться до города; раздобыть другую одежду (платье прислуги поможет остаться незамеченной в усадьбе, но на дороге будет слишком бросаться в глаза, нужна одежда простолюдинки этого мира); найти дорожный мешок и провизию в дорогу, а если повезёт, и местные деньги, если я не хочу голодать и скитаться по подворотням до тех пор, пока не найду работу и не заработаю на жильё.

Глава 10

За информацией я отправилась в библиотеку. Найти карту местности оказалось непросто: книг было множество, они стояли на полках в непонятной мне системе, а каталога не нашлось вовсе.

Я не сдалась и применила метод «пальцем в небо»: брала с каждой полки по одной книге, которая казалась подходящей, и пробегала глазами несколько строчек. Примерно через три часа мне повезло, в руки попал путеводитель по провинции Вельдаре.

На форзаце красовалась карта, на которой ребенок пририсовал крохотный домик на пересечении двух рек и подписал «Наша усадьба». Судя по рисунку, рядом находились два города: Парвис и Лумен. Лумен располагался сразу за большой рекой, а Парвис — дальше, за лесом.

Теперь я знала, куда идти. В Парвис. Как можно дальше от усадьбы Невены. Путеводитель решила взять с собой. Следующей задачей была вылазка на кухню за продуктами, но для этого нужно дожидаться ночи.

Пока тянулось время, я углубилась в чтение путеводителя. Особой пользы для меня в нём не оказалось. Про провинцию Вельдар, где находилось моё поместье, рассказывалось скупое, несмотря на название «Путешествие из столицы в Вельдар и обзор достопримечательностей провинции».

Большая часть книги посвящалась дороге: подробно описывались города и крупные деревни, мимо которых проезжал автор, трактиры, где он обедал, постоялые дворы, где останавливался на ночлег.

Несколько глав отводились архитектурным и природным памятникам, которые автор посетил по пути. Например, целых пять страниц он посвятил пожарной башне в деревеньке Зойск. Башня охраняла от пожаров всю округу: стоило огню разгореться сильнее, чем нужно для приготовления еды, как она тут же гасила пламя. Автор утверждал, что лично проверил её действие: все его костры гасли, если он подкидывал слишком много дров, а трут, брошенный на раскалённые угли погасшего костра, так и не загорался. Развести огонь в том же месте повторно можно было лишь после полного остывания углей.

Эта история окончательно убедила меня: магия в этом мире реальна, и довольно редка, чтобы её использование считалось чудом.

Когда последние лучи солнца скрылись за горизонтом и стало настолько темно, что я перестала различать буквы, я отложила книгу. Передвинула табурет поближе к двери и принялась прислушиваться к звукам снаружи. В основном было тихо, лишь изредка раздавались мягкий шаги слуг, они двигались осторожно, стараясь остаться незаметными, но я различала тихий скрип половиц.

Дядя, напротив, не скрывался: прошёл по коридору громко, без тени осторожности. Вероятно, направился в столовую на ужин, именно тогда внезапно потянуло едой. У меня потекли слюнки, а желудок недовольно заурчал. Но выходить было ещё рано, и я осталась на месте.

Я ждала, что дядя после ужина поднимется наверх, но вдруг услышала приглушённые крики со стороны окна. Кто то громко распоряжался оседлать лошадь для господина.

Сердце ухнуло в пятки. А если он уедет прямо сейчас?! Как тогда я выберусь из поместья?

К счастью, я быстро сообразила: дядины вещи остались на месте, я не слышала, чтобы их собирали. Значит, он уехал не навсегда и скоро вернётся. И тут меня осенило, вряд ли дядя вернётся в ближайшие полчаса, а значит, в его комнатах никого нет. Можно немного осмотреться, вдруг найду деньги или что нибудь полезное?

Да, это не совсем хорошо, вернее, совсем не хорошо. При других обстоятельствах я ни за что не тронула бы чужое. Но сейчас у меня не было выбора. Дядя должен был позаботиться обо мне, мне ведь обещали безбедную жизнь под его покровительством!

Осторожно приоткрыв дверь, я выскользнула из комнаты. Прижимаясь к стенам, чтобы оставаться в тени, добралась до следующей двери. Приложила ладонь к щели между дверью и полом, прислушиваясь к ощущениям: я не знала точно, где находится комната дяди, но рассудила, что там должно быть теплее.

Удача улыбнулась мне у последней двери в дальнем конце коридора. Стоило поднести ладонь, как я почувствовала поток тёплого воздуха.

Медленно приоткрыла дверь на ширину ладони и скользнула внутрь. В комнате было темнее, чем в моей комнате. Комната дяди располагалась на противоположной стороне от моей, и лунный свет проникал сюда слабее. Однако его тусклого сияния хватало, чтобы разглядеть обстановку.

Голые стены. Кровать, точно такая же, как в моей комнате. Такой же шкаф, столик и табурет. Видимо, аскетизм был отличительной чертой всего дома. Единственное отличие: шкаф плотно набитый одеждой, и на столике лежали исписанные листы бумаги вперемешку с чистыми, чернильница непроливайка и несколько гусиных перьев с грязными кончиками.

В дальнем углу, возле окна, стоял большой сундук. На месте, где должен был находиться замок, мягко светился розово-синий камень с переливами. От него исходило настолько сильное ощущение опасности, что я невольно обошла сундук по широкой дуге.

Быстро осмотрела шкаф. Дядя был намного выше меня, так что его одежда была мне не по росту, хотя я уже подумывала об этом решении «одежного» вопроса. Ничего полезного я не нашла, но, уже закрывая дверцы, заметила кончик бумажки, выглядывающий из кармана одного камзола. Любопытство пересилило: я осторожно вытащила документ и вчиталась.

В бумаге сообщалось, что свечной заводик, принадлежавший госпоже Невене Ланской, не выполнил в срок договор поставки. В соответствии с договором покупателя имели право снизить цену на всю партию свечей на тридцать процентов. Уведомление отправили ещё в прошлом месяце, когда заводик официально принадлежал моему умершему отцу. Но в связи со сменой владельца решили повторить.

Я повертела листок в руках и положила обратно в дядин карман. В этот момент ветка за окном качнулась, впуская в комнату особенно яркий луч луны, и я заметила на столике кожаный кошелёк — обычный мужской бумажник с наличными деньгами.

Упускать такой шанс было бы глупо. Я прикрыла дверцы шкафа, стараясь оставить их в прежнем положении, и скользящим шагом добралась до кошелька. Осторожно, чтобы не сдвинуть бумаги, вытащила его и открыла.

Сердце колотилось где-то в горле. В кошельке лежала целая пачка бумажных денег: непривычных, но вполне узнаваемых банкнот разного достоинства. От одной крапы (именно так здесь назывались денежные единицы) до ста.

Я не стала наглотаться: взяла несколько купюр мелкого достоинства и одну стокраповую. Не знала, что можно купить на эти деньги, но надеялась, что их хватит.

В кармашке бумажника звенела мелочь. Я вытащила несколько монеток — мелких, как российские копейки, из неизвестного сплава, выпуклых, словно маленькие линзы. Они будто тихо гудели на грани слышимости. У дяди их было немного, всего семь. Что то подсказывало: эта «мелочь» куда ценнее бумажных денег.

Осторожно, чтобы не уронить, я стряхнула монетки обратно в кармашек, тщательно застегнула бумажник и вернула его на место, слегка прикрыв документами. Надеюсь, дядя не заметит, что я слегка «огрabila» его.

Глава 11

Сунув деньги и письмо под матрас, туда, где уже лежала книга, я отправилась на кухню. Голод стал нестерпимым: за последние два дня я ела всего один раз. Надеюсь, что с уходом дяди слуги разбрелись по своим комнатам.

Так и вышло. На кухне, как и вчера, никого не было. Дверь слегка приоткрыта, будто для проветривания, но внутри царили тишина и пустота. Я скользнула внутрь и осторожно прикрыла за собой дверь.

На цыпочках добралась до буфета и медленно приоткрыла дверцы. Внутри крошечная тьма. Но я точно помнила: именно из этого шкафчика тётушка Лёля доставала яйца. Сунула внутрь руки и осторожно ощупала содержимое. Там стояли две миски, в каждой горкой лежали яйца.

Не став медлить, я осторожно вытащила несколько штук, стараясь брать из разных мисок, чтобы не было заметно разницы.

В другом шкафчике обнаружила примерно половинку каравай хлеба, стащила и его. А ещё пару мягких булочек, завернутых в холстину, забрала вместе с тканью. Пригодится.

Теперь можно было не бояться умереть с голоду в дороге. Но я всё же обшарила остальные шкафы. Продуктов оказалось немного: разжилась морковкой и яблоками — погрызть в пути; нашла остатки пшённой каши с мясом — прикончила прямо тут, запив ковшом воды из огромной бадьи. Миску сунула в ушат с водой: надеюсь, утром её помогут вместе с остальной посудой.

Дверь в кладовую, куда вчера ныряла тётушка Лёля за салом для яичницы, оказалась закрыта. Но мне всё таки повезло: я нашла небольшую головку сыра. Не самую свежую, с подсохшей и потрескавшейся коркой. И пересохшее колечко колбасы. Скорее всего, их приготовили на выброс, но то ли не успели выкинуть, то ли тайком оставили себе. Нашла их в совсем не подходящем месте, рядом с кастрюлями и сковородками.

Одну из сковородок, самую маленькую, я тоже стащила: нужно же на чём то жарить яйца в дороге. Вытащила нож из колоды, стараясь выбрать средненький, похожий на остальные, чтобы никто не заметил пропажи.

Все продукты, сковородку и нож сложила в старое полотенце, висевшее рядом с большими ушатами для мойки посуды. Оно показалось мне достаточно чистым. Узел получился объёмным и не очень лёгким.

Подхватив его двумя руками, я направилась к выходу. В коридоре было тихо, ни шороха, ни звука. Крадучись, двинулась к своей комнате, стараясь ступать бесшумно.

Оказавшись в безопасности за закрытыми дверями, бросила узел на кровать и тяжело опёрлась на железную спинку, пытаясь восстановить дыхание. Сердце всё ещё колотилось, но теперь уже от облегчения.

Больше всего я переживала за сохранность яиц: они сырые, и любые кульбиты им не по нраву. Проверила, одно уже слегка треснуло, скорее всего, ударившись об сковородку. Нужно было что то придумать, куда их положить, чтобы яйца не разбились во время побега.

Долго не раздумывая, вытащила из под кровати шкатулку сундучок с детскими сокровищами Невены. Вытряхнула весь хлам в ящик стола и сложила яйца. Они улеглись плотно, будто я нарочно подбирала их количество.

Спрятав добычу под кровать, я легла спать. Ещё какое то время лежала, прислушиваясь к приглушённым звукам из коридора. Всё боялась услышать шум и суету из за пропажи продуктов. Но обошлось: никто, похоже, ничего не заметил.

В конце концов я успокоилась и задремала. Сквозь сон слышала, как вернулся дядя: он шёл по коридору неуверенно, то и дело натыкаясь на стены, и громко, очень фальшиво напевал

какую то непристойную песенку про девичьи бёдра. Видимо, ночка у него была весьма бурная. И спать он будет до обеда, не меньше. А у меня появились планы на утро.

Едва рассвело, я выскользнула из комнаты. Дядя, судя по доносившемуся из его спальни храпу, ещё спал, а слуги были заняты утренними хлопотами — самое время обследовать чердак.

Поднявшись по узкой лестнице и толкнув скрипучую дверь, я оказалась в пыльном полумраке. Лучи рассвета пробивались сквозь слуховые окна, выхватывая из сумрака груды старых вещей: сундуки, сломанную мебель, пыльные корзины

Я принялась осторожно перебирать завалы. Времени было в обрез, поэтому двигалась быстро, но внимательно.

Под грудой ветхих одеял я заметила сложенные вещи. Развернув их, обнаружила два простых платья из плотной ткани. Не новые, явно ношенные, с едва заметными пятнами и парой штопок, но чистые и целые. Одно серое, другое — приглушённо зелёное. Как раз то, что нужно: неприметные, не вызывающие вопросов и не похожие на наряды дворянки. Я приложила их к себе, по длине подойдут. В них я буду выглядеть как простая горожанка, а это именно то, что мне требуется.

Чуть выше, на полке, висел старый дорожный мешок из грубой холстины. Он был неказист, с парой заплаток и кучей мелких прорех. Идеальная замена самодельному узлу из полотенца.

А в самом тёмном углу, за стопкой деревянных ящиков, я наткнулась на плотный шерстяной плащ с капюшоном. Он выглядел потрёпанным, местами выцветшим, но ткань была целой, а капюшон мог спрятать лицо в ненастье.

Я уже собиралась уходить, как мой взгляд зацепился за что то знакомое в дальнем углу, за покосившимся шкафом. Приблизившись, я разглядела пару старых ботинок. Изрядно поношенных, с потёртыми носами и слегка расклеившейся подошвой, но всё же в пригодном состоянии. Размер чуть великоват, правда. Но лучше пусть немного болтаются на ноге, чем идти по лесу в легких кожаных тапочках, которые мне «выдали» в монастыре.

Быстро собрав находки — ботинки, платья, мешок и плащ, — я осторожно спустилась вниз. Дядя всё ещё громко храпел в своей комнате, а слуги гремели посудой и негромко разговаривали где то на первом этаже.

Спустившись вниз, я спрятала добычу в своей комнате под кроватью, рядом с уже собранными припасами. Теперь у меня было всё необходимое: еда, посуда, деньги, смена одежды, прочная обувь и защита от непогоды.

Осталось дожидаться момента, когда дядя отправится в путь. Тогда я смогу исчезнуть незаметно, слившись с толпой и растворившись в новом мире.

Глава 12

Весь остаток дня я провела в своей комнате, и всё из-за того, что дядя, едва открыв глаза, начал готовиться к отъезду. Я, конечно, рассчитывала на суматоху, но не думала, что она окажется такой всеобъемлющей.

Казалось, весь дом стоял на ушах. Служанки носились туда сюда, словно каждая была Карлсоном с пропеллером. Не знаю, сколько прислуги в поместье, но, судя по беготне в коридоре второго этажа, не меньше пары сотен.

Поначалу я пыталась улучшить момент, чтобы ненадолго выйти из комнаты и добыть ещё что-нибудь полезное. Но вскоре смирилась с необходимостью сидеть тише воды, ниже травы.

К вечеру суматоха лишь усилилась. Дядя несколько раз выбегал из комнаты и визгливо кричал на слуг, требуя поторопиться. Даже ужинал он не в столовой, а у себя.

Прислонившись к двери, я ждала, когда стемнеет и прислуга наконец утомится. Хотела ещё раз наведаться на кухню, продуктовые запасы следовало пополнить. Но вдруг услышала шаги, чужие шаги. По лестнице степенно поднимался кто-то очень большой и тяжёлый.

Прижавшись глазом к замочной скважине, я увидела лишь огромную тень. Незнакомец, мучаясь одышкой, прошёл мимо, обдав меня запахом дорогого мужского одеколона.

В груди задрожало от ужаса. Обострившаяся интуиция подсказала: этот человек пришёл к дяде по моей душе. Страх пересилил все остальные чувства, я должна была узнать, что ему от меня нужно.

Как только дверь в комнату дяди захлопнулась, я на цыпочках просочилась в коридор и прильнула ухом к двери.

Я не ошиблась, разговор шёл про меня.

—Обещана графу Безье, — голос чужака был тихим и скрипучим, как старая доска в полу.

—Графу Безье?! — невежливо перебил дядя. Я сразу уловила в его голосе испуг.

Незнакомец продолжил ровным, спокойным тоном:

—Он узнал, что вы забрали девочку из пансионата. И очень обеспокоен. Вы ведь не собираетесь нарушить договорённости вашего брата?

Он говорил без эмоций, но я услышала, как дядя судорожно вздохнул. Его страх передался и мне: по спине пробежал холодок, оставив мокрую от пота дорожку.

—Ни в коем случае! — выдохнул дядя. — Я её не забирал. Это монашки вышвырнули девочку за долги моего брата.

Незнакомец ответил не сразу. Я была уверена: паузу он выдержал не для того, чтобы подобрать слова, а чтобы ещё сильнее напугать дядю.

—В таком случае вам стоит погасить долги и отправить девочку обратно. Граф Безье вернётся в страну только к началу лета — как раз к выпуску. В ваших интересах, чтобы девочка провела это время под присмотром монахинь.

—Но у меня нет столько денег! — в отчаянии воскликнул дядя.

—Не думаю, что ваше финансовое состояние интересует графа, — равнодушно заметил мужчина. — Вы ведь понимаете, что с вами сделает граф Безье, если узнает, что вы пытались его обмануть?

—Но я не пытаюсь! — голос дяди срывался и хрипел; говорил он тихо, я еле разбирала слова. — Я же не идиот!

Толстяк промолчал. Я слышала лишь его сиплое дыхание и ощущала запах одеколона, пробивавшийся даже сквозь закрытую дверь. Приторно терпкий аромат цитруса и кедра оставался на языке неприятный привкус. От него меня затошнило.

—А если девица побудет всё это время здесь, в поместье? — жалобно спросил дядя. — До выпуска всего три месяца. Графу Безье ведь не нужно, чтобы она непременно закончила обучение

—Под вашу ответственность

—Под мою?! — испугался дядя, и голос его задрожал.

—Разумеется, — подтвердил толстяк. — Если граф Безье не получит девчонку в первый день лета, его люди непременно наведаются к вам в гости. И вы знаете, что в таком случае случится с вами.

Дядя не ответил. Если бы не шумное дыхание гостя, я бы подумала, что в комнате никого нет: так тихо стало после этих угроз.

Разговор закончился. Шестым чувством я поняла: сейчас толстяк выйдет. Отпрянув от двери, я рванула к себе. Почти не осторожничала, тяжёлые шаги незнакомца заставляли половицы в комнате дяди визжать, и я была уверена: меня никто не услышит.

Ворвавшись в свою комнату, я захлопнула дверь и прислонилась к ней. Незнакомец вышел в коридор и, задыхаясь от тяжести тела, направился к лестнице.

Я стояла, прижавшись к двери и вслушиваясь, пока он не покинул усадьбу. Лишь когда лошади умчали карету прочь, унося незнакомца, я смогла выдохнуть и отлепиться от двери.

Но не успела я сделать и шага, как дядя выскочил из своей комнаты и чуть ли не бегом помчался следом за толстяком. Интуиция взвыла: я вдруг поняла, он собирается уехать прямо сейчас. И если я не последую за ним, бежать будет поздно

Глава 13

Времени было в обрез. Торопливо переоделась в серое платье, оно выглядело потеплее и не так бросалось в глаза. Быстро натянула ботинки и старательно зашнуровала их, чтобы не болтались на ноге.

Скинула все вещи в рюкзак. Туда отправились и кожаные тапочки, и платье служанки, в моём положении любая мелочь имела ценность. Накинула плащ, тщательно спрятав лицо под капюшоном, и лишь после этого бесшумно вышла из комнаты.

В доме царила суматоха, все были заняты отъездом дяди. Я проскользнула по коридору, прижимая к себе рюкзак, и направилась к выходу. Никто не обратил на меня внимания: слуги носились туда сюда, а сам дядя визгливо раздавал указания во дворе.

К счастью, двор освещали лишь факелы, создававшие множество глубоких теней. Я двигалась от одной тени к другой, сливаясь с полумраком. Не стала ждать, когда дядя уедет, прокралась мимо кареты и бегом рванула к воротам, надеясь, что они не заперты.

Мне повезло. Сторож был слишком занят: он ждал появления дяди и совсем не заметил горбатую тень, выскользнувшую из ворот со стороны сада.

Оказавшись за забором, я поудобнее перехватила рюкзак, свернула с дороги в лес и зашагала в ту сторону, где, по моим представлениям, находился Парвис.

Шла я долго. Иногда срывалась на бег, но быстро выдыхалась и снова тащилась по тёмному лесу, захлёбываясь воздухом и чувствуя дикую боль в ногах, непривычных к столь долгой нагрузке. Я бы отдохнула. Но стоило замереть на месте, как затылок начинал противно ныть от тяжести чужого взгляда. Как будто кто то за мной следил.

Ощущение появилось не сразу — минут через тридцать сорок после того, как я покинула усадьбу. И я очень боялась, что это может быть не человек, а какое нибудь хищное животное, решившее полакомиться человечинкой.

Когда на горизонте забрезжил рассвет, я поняла, что больше не могу сделать ни шага. Повалилась на жухлую листву и замерла, пытаясь отдышаться. Жутко хотелось пить. Но у меня с собой не было никакой ёмкости, чтобы набрать воду. А за всё время пути мне так и не попало ни одного ручья или реки.

— Ладно, — прошептала я пересохшим горлом. Говорила вслух, создавая для себя иллюзию, будто я не одна. — Я ушла достаточно далеко. Пора сделать привал.

Облизнула сухие потрескавшиеся губы.

— Пить. Как же хочется пить.

Серое предрассветное небо висело над голыми кронами деревьев и смотрело на меня с хмурой усмешкой.

— Сама знаю, что сглупила, — отвернулась я. — Надо было в первую очередь подумать не о еде, а о воде. Без еды человек может прожить две недели, а без воды — четыре дня.

Мой голос хрипел, как заезженная пластинка. Я снова облизнула губы, надеясь хоть немного смягчить их густой, вязкой слюной, закрыла глаза, и тут же провалилась в сон.

Мне снилась какая то жуткая муть. Я куда то бежала, от кого то пряталась и умирала от жажды в тёмно сером лесу. Была ранняя весна: даже подснежники ещё не распустились, только редкие зелёные травинки пробивали прелую листву, а кое где, в низинках, лежал серый от грязи прошлогодний снег.

Пробудилась я резко, как будто кто то толкнул меня в бок. Внимательно посмотрела по сторонам. Справа ровная лесная подстилка резко обрывалась, казалось, там был овраг.

Я действовала на голых инстинктах, как животное. Скинула лямки рюкзака и на четвереньках, путаясь в подоле шерстяного плаща, поползла в сторону оврага. Там мог быть снег, а значит, я смогла бы утолить жажду.

Снега в овражке не оказалось: он был слишком мелким и находился на краю крохотной полянки. Но в самом тёмном углу, под корнями огромного дерева, я нашла небольшой, с суповую тарелку, кусок почти прозрачного льда с вмёрзшими в него кусочками коры и прочего мусора.

Дрожа от нетерпения, стёрла грязь рукой и принялась слизывать выступившую от тепла моей ладони живительную влагу, чувствуя, как в моё измученное тело возвращается жизнь.

— Э эй! — кто то окликнул меня. — Ты что делаешь?! Там, ниже, есть ручей!

От неожиданности я вздрогнула и подавилась.

— Ты кто?! — кашляя, развернулась в сторону голоса, одновременно пытаюсь сбежать, отталкиваясь от земли ногами и пятась назад. — Что тебе от меня нужно?!

— Это я, Калька, — радостно улыбаясь, из за дерева появился белобрысый и худой до изнеможения парнишка, тот самый, которого позавчера кухарка лупила рыбой на кухне.

— Что ты здесь делаешь?! — выпалила я.

— То же, что и ты, — фыркнул парнишка. — Иду в Лумен А то что то на кухне мне совсем не понравилось.

Он захохотал.

И тут до меня дошло:

— Это ты следил за мной с самого поместья?!

— Нет, — мотнул он кудлатой головой. — Я не следил Я шёл за тобой. Хотел предложить пойти вместе. Вдвоём то легче, чем одному. А если ты согласишься назваться моей сестрой, так и комнату можно на двоих снять. Считай, в два раза дешевле получится. Ты не думай, я к тебе приставать не буду. Ты не в моём вкусе. Мне девушки в теле нравятся, а ты больно уж тощая Почти как я

Он снова захохотал, как будто эта дурацкая шутка была смешной.

— Я и не думаю, — нахмурилась я. По всему выходило, что парнишка даже не догадывается, что я не какая то служанка — Только я не в Лумен иду А в Парвис

— В Парвис?! — присвистнул Калька. — У тебя там родня что ли?

— Нет, — мотнула я головой. — Просто хочу оказаться подальше отсюда

— И что ты там делать то будешь? — вскинул он удивлённо брови. — Парвис — крохотный городишко Там, кроме конторы Безье, и нет ничего

— Конторы графа Безье?! — мой голос против воли дрогнул.

— Угу, — кивнул Калька. — Там, конечно, платят хорошо Только не всех берут. А если и берут, то всю родню до седьмого колена проверяют Сама понимаешь, чем они занимаются. Так что если у тебя кто из предков за воровство или за разбой сидел, то не видать тебе работы в конторах Безье, как своего затылка.

У меня аж дыхание перехватило. Вот бы я вляпалась в этом Парвисе, сама бы пришла в лапы того, от кого решила спрятаться.

— А в Лумене, думаешь, лучше?

— А то! — засиял Калька. — Там и речной порт, и свечной заводик имеется Там, правда, зарплата небольшая, зато берут всех подряд, ничего не смотрят. И платят каждый день — сколько заработал, столько получил.

— Свечной заводик, — протянула я. А что? Может, это и неплохо? Никому уж точно в голову не придёт, что я, хозяйка этого самого свечного заводика, прячусь среди своих же работников.

— Ну, — рассмеялся парнишка, — если хочешь, то контора Безье там тоже есть. Можешь попытать счастья у них.

— Нет уж, — мотнула головой. — Я всё равно проверку не пройду.

— И я, — хохотнул он. — Мой батяка прямо сейчас на каторге, так что они меня и на порог не пустят.

Я подхватила смех, не потому, что было смешно, а потому, что план, предложенный Калькой, нравился мне всё больше и больше. Ведь и правда, может получиться. Во первых, я буду не одна, а с «братом». Можно не бояться слухов о том, что я странная: подумаешь, немного не в себе девка, так у неё брат есть. А во вторых, иногда, чтобы что то спрятать, лучше всего положить это на самое видное место.

— Хорошо, — тряхнула головой. — Давай пойдём вместе в Лумен. Скажем всем, что мы с тобой брат и сестра. Комнату снимем задешево и устроимся на свечной заводик.

— Ой ей! — завопил довольно Калька и запрыгал, как ребёнок, мотая огромными, несуразно длинными ручищами, как мельница крыльями.

Я рассмеялась, в этот раз совершенно искренне, и спросила:

— Тебе сколько лет то, братец?!

— Пятнадцать, — с готовностью ответил он. И тоже спросил: — А тебя то как зовут, сестрица?!

— Алина, — улыбнулась я, чувствуя, как с плеч падает тяжёлый камень Вот и всё Я больше не Невена. Теперь я снова я.

Глава 14

Идти вдвоём оказалось куда веселее. Калька болтал без остановки, щедро сдабривая рассказ шуточками, над которыми, впрочем, смеялся только он сам. Мне то было совсем не до смеха.

Из его болтовни я узнала, что толстая кухарка Агрина — женщина страшно злая. Её боялись не только поварята и кухонные работники, но даже экономка. При каждой стычке Агрина доводила ее до слёз. И бедняжка старалась, вообще не выходить из своей комнаты, предоставив слугам полную свободу.

— Врёшь, — усмехнулась я. — Как такое может быть, чтобы экономка пряталась и не следила за слугами и домом?

— Да с чего мне врать то?! — искренне возмутился Калька. — Звездами клянусь, всё так и было! Пока я работал в усадьбе, ни разу ту экономку не видел. Потому вы ну, горничные совсем от рук отбились. Я ни разу ни одну из вас с тряпкой не встречал. Только и сидят по углам да зубоскалят. Знаешь, сколько раз я вашим курицам на зуб попадался?! А к ним если попадёшь, так живым не уйдёшь — обсмеют всего с ног до головы.

Он фыркнул и захохотал.

— Что то я не заметила, чтобы в доме было так уж пыльно — покачала головой. — Да и вещи дядь ки этого собирали шустро

— Какого ещё дядьки? — не понял Калька, не заметив моей заминки.

А я аж похолодела до самых пяток. Чуть не проговорила! Так привыкла считать дядю Невены именно дядей, а не дальним родственником или господином

— Н ну, этого — замялась я, судорожно вспоминая слова, которые дружной стайкой вылетели из головы, оставив после себя гулкую пустоту. — Ну, дядька главный который

— Господин Хнык, что ли?

— Хнык? — вырвалось у меня. — Почему Хнык?

— Ну, это я его так называю, — расплылся в широкой улыбке Калька. — Он когда приехал, всё время ревел, брата своего оплакивал. Ну, пока завешание не зачитали. А потом сразу перестал

Я кивнула, будто всё понятно. А сама мысленно сделала заметку: значит, дядя надеялся, что всё имущество брата достанется именно ему. И, чую, неспроста. Были у него основания так думать — определённо были.

— А ты знаешь, что там было в завещании то? — машинально спросила я.

Пауза затянулась: Калька ждал от меня хоть какой то реакции на его шутку. Вот я и выдала — не самую удачную реплику, конечно.

Мой новоиспечённый «братец» на миг растерянно замер, а потом закатился от смеха.

— Ой, не могу! — верещал он, держась за живот. — Вот рассмешила! Как так вышло, что меня забыли позвать, когда завешание читали?! Аж целого кухонного работника!

— И что ты ржёшь? — буркнула я обиженно. — Конечно, тебя никто не позвал. Но я точно знаю, что слуги всегда обсуждают своих хозяев. И всегда в курсе всех новостей.

— Не хозяев, а господ, — наставительно произнёс Калька. — Не обсуждают, а просто сплетничают. И не всегда мы в курсе всех новостей. Ты так говоришь, как будто сама не из прислуги! Если я, по твоему, всё знаю, почему тогда не знаешь ты?!

— Ладно, — махнула я рукой, — забыли. Считаю, что я ничего не спрашивала.

— Почему это?! — фыркнул бессовестный мальчишка, который снова, уже в который раз, заставил меня покрыться холодным потом от страха разоблачения.

— Потому что потому!

— Вырастет звезда на лбу! — в тон мне добавил «братец». — Да ладно. Я же шучу! Но много я, и правда, не знаю. Говорят, покойный хозяин всё своё имущество дочери оставил, а господину Хныку досталось только письмо. Он когда его прочитал, аж с лица спал

— Письмо? — ахнула я.

— Угу, — кивнул Калька. — Говорят, там что то написано про молодую госпожу Какой то секрет

— Ах, секре е ет — протянула я.

Вот, значит, откуда дядя узнал про дар Невены. Если бы я знала про это письмо, хорошенько пошарила бы в дядиных бумагах. Вдруг нашла бы, тогда хотя бы поняла, по какой причине понадобилась графу Безье

— Ага — радостно осклабился Калька. И вдруг без перехода заявил: — Вот же звёзды! Как жрать хочется! Кишки к спине прилипли. Тётка Агрина вчера меня без ужина оставила Я себе миску каши сберёг, конечно, но эта гадина нашла и всё свиньям скормила. У меня со вчерашнего утра крошки во рту не было. Слышь, сеструха, а у тебя, может, есть что? Вот какой мешок за спиной!

Он кивнул на рюкзак. А я невольно покраснела Ну, потому что тётка Агрина тут вовсе не при чём. И не свиньи кашу ту слопали.

— Хорошо, — кивнула я, — давай сделаем привал и позавтракаем Только припасов у меня не очень много.

Я вздохнула и добавила:

— Жаль, тётушки Ляли на кухне не было. Она бы мне и колбаски свежей не пожалела, и сыра, и сала, и хлеба — перечисляла я, чувствуя, как рот наполнился слюной. Я тоже была очень голодна, хотя вчера съела Калькину кашу.

— Тётушки Ляли?! — удивился он. — А это кто ещё такая?!

— Кухарка, — пожала я плечами, останавливаясь и спуская мешок со спины. Повела уставшими плечами Надо мешок Кальке отдать. Пусть теперь он его несёт. Всё равно там ничего ценного нет. Деньги я положила себе за пазуху.

Братец впервые замолчал и уставился на меня, хлопая глазами.

— Ну, или помощница какая то Она позавчера ночью на кухне была, когда я пришла чемнибудь разжиться Яичницей меня накормила, — вздохнула мечтательно, вспомнив вкуснейший ужин со шкварками.

— Ты что то путаешь, — покачал головой Калька. — Кухарка в усадьбе — тётка Агрина. И никакой тётки Ляли вообще нет. Ни на кухне, ни среди горничных И даже экономку, которая не выходит, по другому зовут

— Да что, я вру, по твоему?! — возмутилась я.

Калька пожал плечами и добавил:

— И если бы она тебя яйцами накормила, тётка Агрина такой бы вой подняла! Она все продукты каждый вечер пересчитывает. А утром проверяет — всё ли на месте. Я вчера одну рыбину стащил, так она нашла и меня по морде ею отхлестала.

Но ведь тётушка Ляля была! Точно была! И яичница была! Допустим, я могла её придумать, но сытость не придумаешь А я совершенно точно съела эту роскошную яичницу из шести яиц. Я и сейчас могу легко представить её вкус на языке.

— И главное, — хохотнул Калька, — всё равно ведь свиньям кинула! Нет, чтобы мне отдать.

И снова засмеялся.

К счастью, мой названный братец оказался чересчур легкомысленным. Он тут же забыл и про тётушку Лялю, и про то, что, по его мнению, я ему соврала.

А вот я никак не могла перестать думать о тётушке Ляле Потому что чувствовала: когда найду ответ на этот вопрос, получу ответ и на другой — что за дар у Невены? Дар, из за которого всё пошло не так.

Глава 15

Завтрак мы приготовили ближе к обеду, и то лишь чудом. Всё из за моей полной неосведомлённости: ни опыта лесных походов, ни побегов, ни даже элементарного жизни за пределами городской квартиры с электрической плитой, канализацией и водопроводом. Я попросту забыла взять спички.

У Кальки в кармане заваялся коробок, но после ночёвки на сырой земле картон отсырел. Мы пытались разжечь огонь, но тщетно. Пришлось вспомнить книжные навыки выживания — и взяться за палочку.

Больше двух часов мы с Калькой по очереди и вместе тёрли сухую палочку о сухую деревяшку, подкладывая сухой мох. Максимум, чего добились, — тонкая белая полоска дыма.

— Всё, — первым сдался Калька. — Я больше не могу. Тот, кто сказал, что таким способом можно добыть огонь, над тобой пошутил.

Он плюхнулся на кучку сухой травы, которую мы нарвали для растопки, и уставился в ярко голубое, безоблачное небо. Погода выдалась тёплая, даже немного жаркая для ранней весны.

— Быстрее грозу дожждаться. И молнию, которая шарахнет прямо в это место, чтобы зажечь нам костёр. Давай, может, сырыми съедим?

— Нет, — нахмурилась я и, пытая от натуги, из последних сил принялась тереть дурацкую палочку об дурацкую деревяшку. — Сырые яйца есть нельзя. Можно заболеть сальмонеллёзом.

— Чем?! — Калька приоткрыл один глаз и с удивлением уставился на меня.

— Сальмонеллёзом, — повторила я, вкладывая последние силы в разведение огня. — У нас соседка от такого померла.

Я не соврала. Такое и правда случилось в прошлой жизни. Я была совсем маленькой, но смерть старухи соседки от сырых яиц поразила меня настолько, что с тех пор я ела только яйца, сваренные вкрутую.

Калька тяжело вздохнул, но промолчал. По его виду было ясно: он считает мои страхи причудами. Вот только яйца лежали в моём мешке, а не в его.

Я окончательно выдохлась и бросила палочку. Закрыла глаза. Уж не знаю, как древние люди добывали огонь таким способом, но, кажется, Калька прав: быстрее молния ударит в это место, чем вспыхнут деревянные палочки от трения.

На миг представила картину: мы с Калькой сидим у пылающего костра, потрескивают дрова, на сковороде жарятся яйца с колбасой. Пахнет так, что текут слюнки.

Вздохнула. Единственное, что отделяло мои мечты от реальности, — эти проклятые палочки, которые никак не хотели загораться!

В тот момент я так возненавидела их, что от всей души пожелала им сгореть к чёртовой бабушке. И тут резко запахло палёным.

Мы с Калькой открыли глаза одновременно и вытаращились на вспыхнувшие палочки.

— У тебя получилось! — радостно заорал Калька, вскочил и, подхватив охапку сухой травы, сунул её в крошечные языки пламени, плясавшие там, где деревянные палочки тёрлись друг о друга.

Я не знала, что ответить. Огонь добывается не так. Дерево нагревается от трения, температура растёт, и только когда она достигает критического уровня, дерево начинает тлеть. Тлеть, а не гореть. А я не только не дотёрла до тления, но и вовсе бросила палочки. Они должны были остыть, а не нагреться.

Но огонь был настоящим. Калька уже спалил всю сухую траву и теперь подкладывал в костёр небольшие сухие веточки. Пламя радостно пожирало подношения, росло, превращаясь в настоящий костёр.

— И что ты сидишь, сестрица? — Калька на мгновение отвлёкся от огня и взглянул на меня. — Доставай свои яйца! Будем жарить!

Он был прав. Обо всех странностях подумаю потом. Сейчас надо поесть.

Я залезла в мешок, достала нож, сковородку, колбасу и яйца, полностью опустошив запас. Не рассчитывала я на двоих. Но мы идём не в Парвис, а в Лумен, и Калька сказал, что к вечеру будем в городе. Значит, запасы можно не экономить.

Сначала нарезала твердую колбасу нетолстыми кружочками. От неё умопомрачительно пахло пряным мясом, перцем и чесноком. Бросила на раскалённую сковороду, которую Калька водрузил на плоский камень, найденный неподалёку. Он положил его прямо на горящие палки — получилась импровизированная плита.

Колбаса тут же зашипела, жир начал плавиться и шкварчать. По поляне поплыл такой густой аромат, что мы оба едва не захлебнулись слюной. Через пару минут яичница была готова. Я вручила брату половинку хлебной краюхи, и мы принялись за еду, черпая «яишенку» прямо хлебом. О ложках при подготовке к побегу я тоже не подумала.

Еда исчезла из сковороды куда быстрее, чем появилась. Для двух молодых и очень голодных организмов полкруга колбасы и десятка яиц на один зуб.

— М м м, — промычал Калька, выскребая остатки со своей половины сковороды, — ничего вкуснее никогда в жизни не ел.

— Угу, — ответила я, не переставая жевать.

После трапезы сковородку можно было не мыть: мы с Калькой едва не вылизали её языками.

Только когда отдыхали после обеда, «чтобы жирочек завязался», как сказал братец, я задумалась о костре.

Ведь дерево загорелось не просто так. Что то заставило его вспыхнуть. На ум почему то пришла та башня, о которой я читала: она защищала от пожаров всю округу.

Я не гений физики, но в том мире, откуда я пришла, такое невозможно. Никто не тушит пожары на расстоянии. Значит, это магия. Та самая магия, что отличает этот мир от того. Тот самый дар, что отличает меня от Невены.

А что, если дар — это магия огня? Тогда легко объяснить, почему загорелся костёр: я очень очень этого хотела.

Но оставалась нестыковка. Зачем старику магия огня? Когда дядя говорил о моём возможном замужестве, я думала о другом — о возвращении молодости, сил. А огонь Любой дурак со спичками сможет запалить пламя не хуже.

И ещё была тётушка Ляля, которой будто и не существовало. Магия огня никак не объясняла её появление. Тут скорее подошла бы какая нибудь некромантия. Но о таком таланте читать хорошо, а получить Нет, мне бы совсем не хотелось.

Глава 16

Минут через двадцать после перекуса мы вышли на дорогу. Широкий тракт, приподнятый на метр над уровнем земли, издалека напоминал современное шоссе. Но стоило подняться наверх, и я сразу поняла: нам повезло с погодой, иначе дорога превратилась бы в непроходимое месиво.

В сущности, никакого покрытия тут не было, лишь плотно утрамбованная земля. Я мысленно прикинула: если начнутся дожди, тракт моментально развезёт. Тогда ни пройти, ни проехать.

Но сейчас идти было легко, гораздо проще, чем продираться через лес. К вечеру мы наконец добрались до Лумена.

Мои ожидания разительно расходились с реальностью. В воображении город рисовался то крепостью с мощными каменными стенами, как в Средневековье, то уютными кварталами старинного европейского городка, то даже просторной деревней.

Действительность оказалась прозаичнее. Окраины Лумена напоминали трущобы какого-то провинциального городка в России. Между бараками росли кусты и высокие деревья, а в воздухе стоял запах кислой капусты и выгребных ям.

Двухэтажные деревянные строения с кривыми окнами и обшарпанными стенами выглядели убого и, казалось, не годились для жилья. Если бы я пришла сюда одна, ни за что не решилась бы войти в подобное строение, не то что снять комнату.

Калька, напротив, чувствовал себя здесь как рыба в воде. Он уверенно зашагал к одному из барачков, где на скамейке сидела грузная женщина в выцветшем платке.

— Здравсти, уважаемая! — бодро выкрикнул Калька, ещё не дойдя до крыльца. Я даже подумала, что это его знакомая, которую он давно не видел и по которой соскучился.

Женщина медленно подняла глаза, окинула нас взглядом, задержалась на моих драных ботинках, скользнула по растоптанным сапогам Кальки.

— Чего надо? — буркнула она без особого интереса.

— Да вот, ищем жильё. На пару-тройку недель, может, на месяц. Не сдадите ли комнатку? — Калька улыбнулся так широко, что я забеспокоилась: вдруг его голова сейчас лопнет посередине.

— Комнатку? — женщина хмыкнула. — А деньги-то есть?

— Будут, тётушка, вот увидите! Завтра на завод устраиваемся! — Калька достал из кармана потёртую бумажку и помахал ею в воздухе. — Вот задаток. Крап!

Тётка прищурилась, делая вид, что ей ничего не нужно. Но банкнота явно её заинтересовала.

— Комната есть. Но цена — двадцать крап в неделю. Деньги вперёд.

— Двадцать крап?! — возмущённо завопил Калька и схватился за сердце. — Да вы что, тетушка! Мы люди бедные, только в город пришли. Где ж нам такие деньги взять? Пять крап — и по рукам!

— Пять?! Да ты в уме ли, паренёк? — хозяйка тут же включилась в торг, и глаза её заблестели от удовольствия. — У меня и получше постояльцы найдутся, с деньгами!

— Так кто с деньгами, те в центре поселятся, где почище да покрасивее, — не сдавался Калька. — А мы с сестрой люди простые, нам главное крыша над головой да угол тихий. И платить будем исправно, звёздами клянусь! — Он картинно махнул рукой, указывая в небо.

Женщина задумалась, постукивая пальцем по подбородку. Её взгляд то и дело возвращался к купюре в руке Кальки. Я почти физически ощущала, как в ней борются жадность и желание получить хоть что-то.

— Ладно, — наконец проговорила она. — Десять крап в неделю.

Она ловко подскочила и вырвала купюру из рук зазевавшегося Кальки. Хотя я была уверена: он нарочно сделал вид, будто ворон считает.

— А это за сегодня! — Банкнота в тот же миг исчезла, будто её никогда не было. — Но чтоб без шума, без гама! А то знаю я вас молодых.

— Конечно, тётушка, конечно! — закивал Калька. — Мы с сестрицей тише воды, ниже травы. А можно ещё вопрос? Может, у вас и поесть чего найдётся? Мы с дороги, голодные, того гляди брюхо высохнет.

— Поесть? — Женщина покачала головой. — Нет у меня харчей лишних. Но за углом харчевня. Дыра, но за крап миску каши подадут.

— Спасибо, тетушка! Вы спасли нас от голодной смерти! — восторженно завопил Калька, закатывая глаза, словно на самом деле восхищался этой тёткой. — Вы не только красивы, словно звёздная царица, но и душой добры, будто сестрица её — луна!

Хозяйка, окончательно растаяв от громких комплиментов, кокетливо поправила платочек и улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.